

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082

В. Д. Никишин*

Репутационная безопасность и медиабезопасность компаний и проектов в контексте целей устойчивого развития и ESG-принципов¹

Аннотация. В инфополе высокотехнологичных проектов могут совершаться следующие речевые действия, образующие объективную сторону правонарушений (преступлений): диффамация (диффамационные речевые действия), фейкинг (фейкинговые речевые акты), словесный экстремизм (экстремистские речевые действия). Обосновано, что диффамационные и фейкинговые информационные атаки возможны и в связи с «толкованием» размещаемой в открытом доступе «зеленой» информации об организации: ее заявлениях и ESG-стратегии, нефинансовой отчетности и т.д. — на предмет соответствия 1) запланированных сущностей — отраженным в нефинансовой отчетности сущностям; 2) отраженных в заявлениях, стратегии, нефинансовой отчетности сущностей — фактическим данным. В связи с тем, что в складывающейся судебной практике ESG-споров внимание судов уделяется форме высказываний, при рассмотрении подобных споров предложено использовать наработанный в рамках судебной лингвистики инструментарий выявления значения (смысла) единиц различных уровней, определения значения / формы выражения значения и отнесения его к определенному классу (утверждение, мнение, оценка, предположение), установления наличия/отсутствия в тексте информации определенного содержания и т.д. Доказано, что обеспечение медиабезопасности выступает неотъемлемой частью устойчивого развития, и предложена дефиниция медиабезопасности организации (проекта), охватывающая в том числе репутационную безопасность. Предложена модель риск-менеджмента медиабезопасности организации (проекта). Обосновано, что с точки зрения проектного менеджмента риск-менеджмент медиабезопасности претендует на самостоятельную группу процессов в рамках управления проектом. Риск-менеджмент медиабезопасности опирается на инструментарий, заложенный в методологию права устойчивого развития: на системный анализ и теорию принятия решений.

Ключевые слова: ЦУР; ESG; медиабезопасность; репутация; информационная безопасность; ESG-иски; судебная лингвистика; медиаволна; медиаворонка; метонимическая медиатрансформация; диффамация; фейк; терроризм.

Для цитирования: Никишин В. Д. Репутационная безопасность и медиабезопасность компаний и проектов в контексте целей устойчивого развития и ESG-принципов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 9. — С. 73–82. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

© Никишин В. Д., 2022

* Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nikishin.v.d@mail.ru

Reputational Security and Media Security of Companies and Projects in the context of Sustainable Development Goals and ESG Principles²

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Forensics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nikishin.v.d@mail.ru

Abstract. In the information field of high-tech projects, the following speech actions can be committed that form the objective side of offenses (crimes): defamation (defamatory speech actions), faking (fake speech acts), verbal extremism (extremist speech actions). It is proved that defamatory and fake information attacks are also possible in connection with the «interpretation» of publicly available «green» information about the organization: its statements and ESG strategy, non-financial reporting, etc. — for compliance with 1) planned entities — entities reflected in non-financial statements; 2) entities reflected in statements, strategies, non-financial reporting — actual data. Due to the fact that in the emerging judicial practice of ESG disputes, the attention of courts is paid to the form of statements, when considering such disputes, it is proposed to use the tools developed within the framework of judicial linguistics to identify the meaning (content) of units of various levels, determine the meaning or form of expression of meaning and classify it to a certain class (statement, opinion, assessment, assumption), establishing the presence or absence of certain content in the text, etc. The author proves that ensuring media security is an integral part of sustainable development and proposes a definition of the media security and reputational security of an organization (project). The paper provides for the risk management model of the media security of the organization (project). It is proved that from the point of view of project management, media security risk management claims to be an independent group of processes within the framework of project management. Media security risk management relies on the tools embedded in the methodology of the law of sustainable development: on system analysis and decision-making theory.

Keywords: SDGs; ESG; media security; reputation; information security; ESG lawsuits; judicial linguistics; media wave; media lark; metonymic media transformation; defamation; fake; terrorism.

Cite as: Nikishin VD. Reputatsionnaya bezopasnost i mediabezopasnost kompaniy i proektov v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya i ESG-printsipov [Reputational Security and Media Security of Companies and Projects in the context of Sustainable Development Goals and ESG Principles]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(9):73-82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.073-082. (In Russ., abstract in Eng.).

Развитие высокотехнологичного производства и производств новых материалов, городов нового типа (в том числе смарт- и техногородов), феномена цифрового государства, внедрение искусственного интеллекта, квантовых технологий и интернета вещей в различные виды жизнедеятельности, реализация политики низкоуглеродного развития, а также таких инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г., как «Новая атомная энергетика», «Чистая энергетика», «Беспилотные логистические коридоры»,

«Автономное судовождение», «Беспилотная аэродоставка грузов» и др.³, — все эти реалии сегодняшнего дня характеризуют постиндустриальное общество, находящееся в условиях четвертой промышленной революции.

Реализация современных высокотехнологичных проектов (например, в сферах биотехнологий, электроники и робототехники, авиакосмических технологий и т.д.) предполагает прорывные исследования, ни процесс, ни результат которых недоступен пониманию широких слоев населения, что служит благодатной почвой для

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

³ Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

вирусоподобного распространения деструктивно-манипулятивной информации в медиаполе. Объективная «элитарность» научного знания позволяет манипулировать инфоповодами вокруг высокотехнологичной деятельности бизнеса и государственных органов, реализующих или поддерживающих подобные инициативы.

Применительно к средствам массовой коммуникации манипуляция означает действия, направленные на программирование мнений, устремлений, целей и психических состояний масс с целью контроля над населением и его управляемостью. Такая манипуляция общественным мнением может включать в том числе информационные вбросы диффамационной, фейковой и даже террористической направленности. Новые технологии могут преподноситься манипуляторами как чужеродные, опасные, убийственные, противоречащие природе человека или общественному устройству. Достаточно вспомнить массированные информационные атаки на проект запуска Большого адронного коллайдера (ЛHC) в Европе (проект ЦЕРН), приравниваемого к апокалипсису. В условиях пандемии в связи с распространением вируса COVID-19 население оказалось полностью погруженным «в цифру», что облегчает манипулирование сознанием людей в интернет-среде. Так, несмотря на ограничительный режим самоизоляции в Дагестане и Северной Осетии, в данных республиках в 2020 г. разгорелись агрессивные протесты против установки вышек Интернета пятого поколения (5G), причем в Северной Осетии дело кончилось не вербальными угрозами, а сожжением телефонной вышки, в результате чего населенный пункт остался без связи с внешним миром.

Всеобщая цифровизация, глобализация информационных потоков и общественных отношений в целом тесно связаны с феноменом «сетевизации» общества, под которой понима-

ется процесс развития системы глобальных горизонтальных связей на основе интернет-практик, которые позволяют людям общаться друг с другом, не прибегая к традиционным каналам, созданным общественными институтами для социализации⁴. Проблема защиты деловой репутации и медиабезопасности хозяйствующих субъектов приобрела особую актуальность в условиях повсеместного распространения интернет-медиа и неконтролируемого циркулирования информации, сложности привлечения к ответственности за распространение диффамационной, экстремистской или иной запрещенной информации ввиду относительной анонимности веб-пространства и т.д.

М. Р. Желтухина подметила, что для массмедиальной манипуляции характерны «искусность, мастерство, превращение адресата в марионетку и одновременное создание иллюзии самостоятельности решений и действий адресата»⁵.

В условиях информационно-сетевого общества информационная война меняет свои формы, беря на вооружение всё более изощренный коммуникативный инструментарий пропагандистского и манипулятивного дискурса. Информационные вбросы в медиасреду (прежде всего интернет-пространство) являются причиной не только изменения аксиосферы интернет-пользователей, их парадигмы мышления через навязывание «нужных» взглядов в отношении высокотехнологичных проектов, но и реальных физических насильственных действий, что посягает на безопасность граждан, общественного порядка и государственного устройства.

Для обозначения связи информационного вброса и последующих социальных изменений появился метафорический термин «медиа-волна», под которой понимается возбуждение общественной среды⁶ и которая «имеет свою

⁴ Ломпартер Д. Сетевое общество: основные понятия, концепции, развитие // URL: <http://fb.ru/article/458506/setevoe-obschestvo-osnovnyie-ponyatiya-kontseptsii-razvitie> (дата обращения: 21.02.2022).

⁵ Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса : О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Из-во ВФ МУПК, 2003. С. 75.

⁶ Сабуров М. А. Медиаволна в современном мире: деструктивизм, институт медиабезопасности и Интернет // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 3. С. 55.

частоту (упоминания, распространения, количество источников информации, усиливающие медиаволну), скорость распространения, время жизни и дальность действия»⁷. Более того, провокационный, дискредитирующий контент обладает свойством виральности, т.е. расценивается веб-пользователями правдивым только на основании факта широкого распространения такого контента. Он массированно распространяется, и медиаволны его распространения образуют смерчевую медиаворонку, путь в которую и есть тоннель виртуальной реальности пользователя в условиях интернет-детерминизма, когда наши прошлые клики определяют последующие.

В инфополе высокотехнологичных проектов могут совершаться следующие речевые действия, образующие объективную сторону правонарушений (преступлений)⁸:

- 1) диффамация (диффамационные речевые действия):
 - гражданско-правовая диффамация: распространение не соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений (ст. 152 ГК РФ);
 - уголовно-правовая диффамация: клевета (ст. 128.1 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ);
 - административно-правовая диффамация: оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ);
- 2) фейкинг (фейкинговые речевые акты): злоупотребление свободой массовой информации (ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ);
- 3) словесный экстремизм (экстремистские речевые действия): угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ).

Перечисленные выше «речевые» правонарушения (преступления) отражают решение *кон-*

фликта между правами человека на свободу распространения и получения информации, свободу слова и плюрализм мнений, с одной стороны, и правами на безопасную коммуникацию и защиту от злоупотребления этими правами, с другой стороны, в пользу первых: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого» (Михаил Бакунин)⁹.

Стоит отметить, что диффамационные и фейкинговые речевые действия в качестве предмета речи (тематики высказывания) могут иметь не только сами проекты или объекты их инфраструктуры, но и организации, участвующие в реализации данных проектов, их сотрудники и привлекаемые ученые. В таких случаях происходит *метонимическая*¹⁰ *медиатрансформация* — из-за информационных атак, посягающих на честь, достоинство и/или деловую репутацию отдельного физического лица или деловую репутацию юридического лица, страдает имидж проекта, в реализацию которого вовлечены данные лица. В рамках такой же метонимической медиатрансформации происходит и «переадресация» репутационного вреда юридическому лицу от его сотрудника.

Информационные атаки фейкингового и диффамационного характера могут усиливаться астротурфингом («пятая колонна Интернета»), т.е. использованием современного программного обеспечения или оплачиваемых пользователей для организации информационных онлайн-кампаний по распространению ангажированной недостоверной информации и для искусственного управления общественным мнением.

Кроме того, существенные угрозы медиабезопасности несут такие средства создания медиальной псевдореальности, как голосовые дипфейки (создание цифрового двойника индивидуального голоса человека, основанное на искусственном интеллекте), синтез речи по

⁷ Сабуров М. А. Указ. соч. С. 56.

⁸ Сабуров М. А. Указ. соч.

⁹ URL: <https://ru.citaty.net/> (дата обращения: 24.02.2022).

¹⁰ Метонимия (от греч. *metonomadzo* — переименовываю) — вид тропа: сближение, сопоставление понятий, основанное на замене прямого названия предмета другим по принципу смежности (содержащее — содержимое, вещь — материал, автор — его произведение и т.п.) (см.: Словарь литературоведческих терминов. 2012 // URL: <https://slovar.cc/lit/term/2145213.html>).

тексту, спуфинг (подмена голоса настоящего человека синтезированным) и видеодипфейки.

Диффамационные и фейкинг-информационные атаки возможны и в связи с «толкованием» размещаемой в открытом доступе «зеленой» информации об организации: ее заявлений и ESG-стратегии, нефинансовой отчетности и т.д. на предмет соответствия: 1) запланированных (в заявлении, стратегии) сущностей — отраженных в нефинансовой отчетности сущностям; 2) отраженных в заявлениях, стратегии, нефинансовой отчетности сущностей — фактическим данным.

Подготовка данной «ESG-документации», публикуемой в открытом доступе, требует скрупулезного внимания к «юридической» технике и лингвистической форме. В складывающейся судебной практике ESG-споров (в том числе по «гринвошинговым искам» (greenwashing claims)¹¹ по результатам экологических маркетинговых кампаний) суды уделяют внимание форме высказываний: заявление компании носит желательный для нее характер или содержит конкретные обязательства компании, отражающие фактические обязательства (обещание). Ввела ли компания в заблуждение своего потребителя, сделав следующее заявление: «...»? Сделала ли компания конкретное фактическое заявление и имеются ли поддающиеся верификации факты и т.п.¹² Ответы на подобные вопросы часто требуют комплексного юрико-лингвистического подхода, учета не только фактических обстоятельств, но и лингвистической формы высказываний. В отечественной практике рассмотрения диффамационных исков и дел о клевете развилась тенденция назначения судебных лингвистических экспертиз, в рамках которых и решается вопрос о форме конкретных высказываний (с точки зрения *судебной лингви-*

стики: утверждение, мнение, оценка, предположение). Представляется, что наработанный в рамках судебной лингвистики инструментарий выявления значения (смысла) единиц различных уровней, определения значения / формы выражения значения и отнесения его к определенному классу, установления наличия/отсутствия в тексте информации определенного содержания и т.д.¹³ может быть в полной мере использован при рассмотрении подобных ESG-споров.

Понятие медиабезопасности организации

В самом общем виде институт безопасности призван обеспечить нормальное функционирование какой-либо системы. Медиа — это «обширное понятие, которое включает в себя всю совокупность информационных средств и приемов, служащих для передачи конкретному потребителю сообщения»¹⁴ в той или иной форме.

Медиабезопасность организации охватывает и репутационную безопасность и может быть определена как состояние защищенности организации / органа государственной власти, а также физических лиц (сотрудников): 1) от информационных атак диффамационного, фейкового и экстремистско-террористического дискурса; 2) от ESG-исков в связи с «толкованием» опубликованной «зеленой» документации (стратегии и заявлений в области ESG, нефинансовой ESG-отчетности и т.п.).

Стоит отметить, что благополучателями обеспечения медийной безопасности бизнеса и государственных структур являются не столько перечисленные в вышеуказанном определении физические и юридические лица, сколько

¹¹ No Good Deed Goes Unpunished: Growing ESG Litigation Risks // URL: <https://www.natlawreview.com/article/no-good-deed-goes-unpunished-growing-esg-litigation-risks> (дата обращения: 18.02.2022).

¹² *Мажорина М. В.* ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12. С. 185–198.

¹³ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / под ред. С. А. Смирновой. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

¹⁴ URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_m/media/ (дата обращения: 25.01.2022).

гражданское общество в целом, защищенное таким образом от дезинформации о деятельности хозяйствующих субъектов и от потенциальных насильственных действий, создающих угрозу функционированию объектов жизнеобеспечения.

Обеспечение медиабезопасности выступает неотъемлемой частью устойчивого развития, предполагающего открытость и взаимную гармонию между различными социальными группами, в том числе в рамках отношений «государство — бизнес — потребитель», баланс между личными и общими интересами, обеспечение правдивой информации об антропогенном воздействии человека на природу и о влиянии новых технологий на человека и т.д., т.е. стабильную коэволюцию искусственных систем и экосистем.

Таким образом, обеспечение медиабезопасности организаций способствует достижению следующих целей устойчивого развития:

- Цель 8 — содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту;
- Цель 9 — создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;
- Цель 16 — содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития.

Риск-менеджмент медиабезопасности и взаимодействие компонентов в рамках проекта

По верному утверждению А. С. Агейчева, «законодательство в области Интернета лежит на стыке правового поля и политики, так как напрямую затрагивает интересы общества, права и свободы человека, поэтому нельзя изучать проблемы в области интернет-законодательства в отрыве от политологии и социологии»¹⁵. Несомненно, данный факт необходимо учиты-

вать при подготовке юристов для правового обеспечения медиабезопасности организаций. Более того, на наш взгляд, не менее важным является рассмотрение вышеуказанных угроз медиабезопасности с учетом лингвистических закономерностей интернет-коммуникации и коммуникативной природы речевых действий, образующих объективную сторону перечисленных выше правонарушений (преступлений).

Таким образом, подготовка юриста для обеспечения медиабезопасности организации должна подразумевать, наряду с традиционными юридическими дисциплинами, изучение инновационных междотраслевых направлений юридической науки: информационного, диффамационного, цифрового права и др. — в синтезе с дисциплинами речеведческого и синтетического характера: судебного речеведения (судебной лингвистики), теории речевой коммуникации, медиалингвистики, лингвоконфликтологии, психолингвистики, этносоциолингвистики, политической лингвистики и т.д.

Кроме того, важным компонентом образовательной подготовки такого юриста-речевода является медиаобразование, под которым в ЮНЕСКО понимается обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике¹⁶.

Юрист-речевед в данной сфере должен обладать креативным, эвристическим экспертным мышлением, уметь анализировать, обобщать, отсеивать, ранжировать и дифференцировать поступающую в медиапоток информацию, что необходимо для объективного юридико-лингвистического исследования речевых следов диффамационного, фейкингвого и экстремистско-террористического дискурса.

По словам Э. Уилсона, «мы тонем в информации и в то же время изголодались по мудрости. Миром отныне будут управлять “синтезирую-

¹⁵ Агейчев А. С. Законодательство в сфере интернет-коммуникаций: российский и международный опыт // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 82.

¹⁶ Media Education. Paris : UNESCO, 1984. P. 8.

щие” люди, которые сумели сложить воедино нужную информацию в нужное время, критически ее обдумать и сделать мудрый выбор»¹⁷.

Базисом для формирования такого экспертного мышления могут служить положения судебного речеведения (частной теории на базе судебной экспертологии), рассматривающего речевые следы в трех взаимообусловленных аспектах:

- 1) с точки зрения правовых категорий, в которые они вовлечены как *corpus delicti*;
- 2) с точки зрения знаковой природы (как результат языковой и коммуникативной деятельности);
- 3) как источник криминалистически значимой информации (обладающий диагностическими или идентификационно значимыми свойствами, сопряженными с противоправным деянием).

Деятельность юриста-речевода в сфере медиабезопасности организаций в качестве магистрального направления подразумевает *риск-менеджмент медийной безопасности*, в рамках которого осуществляется ранжирование медиаволн на следующие три категории (рис. 1):

- 1) игнорируемые (информационная контратака на такую медиаволну только увеличит ее силу, т.к. привлечет внимание большей аудитории);
- 2) требующие защиты в правовом поле (речевое действие образует объективную сторону правонарушения): взаимодействие с судебным юристом;
- 3) требующие информационной контратаки: выстраивание коммуникативной стратегии совместно со специалистами по связям с общественностью и СМИ.

Рис. 1. Риск-менеджмент медиабезопасности организации (проекта)

Медиабезопасность можно рассматривать применительно как к организации / государственному органу в целом, так и к отдельным их проектам (программам, портфелям программ) как составным частям их деятельности.

Процесс риск-менеджмента должен сопровождать управляющие решения на всех уровнях менеджмента проектов (программ, портфелей программ), поэтому управление медиарисками необходимо интегрировать в *операционную*

деятельность всего жизненного цикла проекта (набора фаз проекта): начало проекта, организация и подготовка, выполнение работ и окончание проекта.

С точки зрения проектного менеджмента риск-менеджмент медиабезопасности претендует на самостоятельную *группу процессов* в рамках управления проектом, базирующуюся на следующих *областях знаний по управлению проектом*: управление коммуникациями

¹⁷ Wilson E. O. Consilience: The Unity of Knowledge. New York : Vintage, 1999. P. 294.

проекта, управление рисками проекта, управление заинтересованными сторонами проекта, управление интеграцией проекта, управление ресурсами проекта.

Таким образом, дополненная схема взаимодействия компонентов Руководства PMBOK

(Project Management Body of Knowledge — Свод знаний по управлению проектом)¹⁸ Института управления проектами (Project Management Institute) в рамках проекта может выглядеть следующим образом (рис. 2):

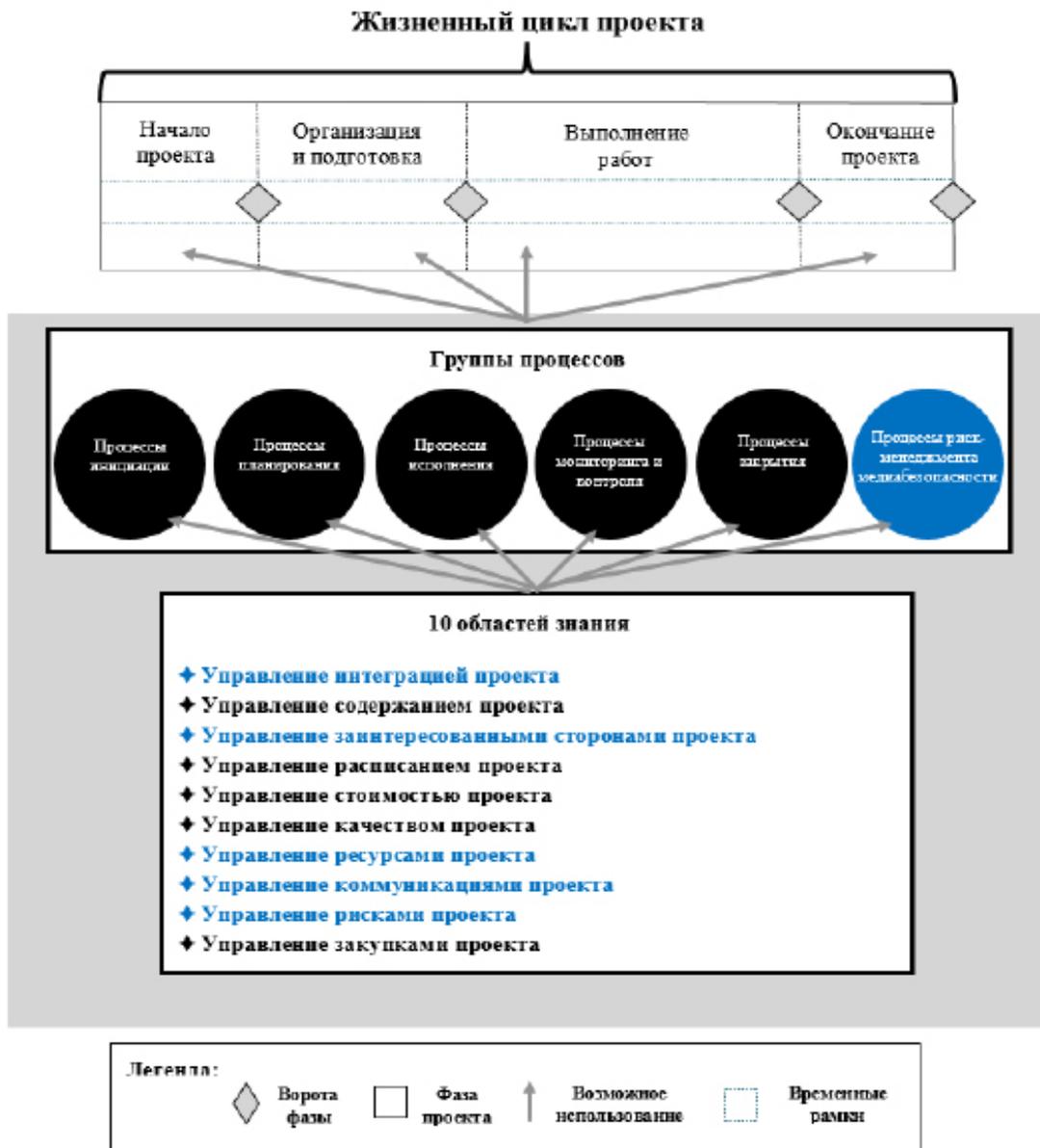

Рис. 2. Взаимодействие компонентов в рамках проекта (авторская версия на основе Руководства PMBOK)

¹⁸ Руководство к Своду знаний по управлению проектом (Руководство PMBOK). Newtown Square : Институт управления проектами, 2017. С. 18.

Очевидно, что риск-менеджмент медиабезопасности организации (проекта) носит в высшей степени междисциплинарный характер и требует высокоразвитых коммуникативных управленческих навыков: данный специалист выступает именно в качестве управленца, в рамках управления медиарисками координируя работу представителей структурных подразделений организации.

Риск-менеджмент медиабезопасности опирается на инструментарий, заложенный в саму методологию права устойчивого развития: на *системный анализ* (синтез метапредметного юридико-лингвистического знания для всестороннего исследования объекта — речевого следа / медиаволны — как системы с межэлементными взаимосвязями) и *теорию принятия решений*

(в том числе коллективное принятие решений совместно со специалистами иных областей в рамках осуществления риск-менеджмента).

Подготовка юриста в сфере обеспечения медиабезопасности организации — это подготовка «универсального бойца», что крайне актуально в сегодняшнем стремительно меняющемся мире, который больше не делится на узких специалистов и работников широкого профиля. «А вот кто ценится всё больше, это “универсалы”, способные применять глубокие знания в прогрессивно увеличивающемся наборе ситуаций и опытов, получающие новые компетенции, строящие отношения и берущие на себя новые роли. Они способны постоянно адаптироваться, а также постоянно учиться и расти, находить свое место в быстро меняющемся мире»¹⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агейчев А. С. Законодательство в сфере интернет-коммуникаций: российский и международный опыт // Сравнительная политика. — 2016. — № 2 (23). — С. 73–84.
2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса : О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография. — М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Из-во ВФ МУПК, 2003. — 656 с.
3. Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 12. — С. 185–198.
4. Руководство к Своду знаний по управлению проектом (Руководство PMBOK). — Newtown Square : Институт управления проектами, 2017. — 726 с.
5. Сабуров М. А. Медиаволна в современном мире: деструктивизм, институт медиабезопасности и Интернет // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 3. — С. 54–73.
6. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / под ред. С. А. Смирновой. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.
7. Wilson E. O. Consilience: The Unity of Knowledge. — New York : Vintage, 1999. — 332 p.
8. Fadel Ch., Bialik M., Trilling B. Four-Dimensional Education: The Competencies Learners Need to Succeed. — 1st ed. — Boston : The Center for Curriculum Redesign, 2015. — 192 p.
9. Media Education. — Paris : UNESCO, 1984. — 406 p.

Материал поступил в редакцию 14 марта 2022 г.

¹⁹ Fadel Ch., Bialik M., Trilling B. Four-Dimensional Education: The Competencies Learners Need to Succeed. 1st ed. Boston : The Center for Curriculum Redesign, 2015. P. 2.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ageychev A. S. Zakonodatelstvo v sfere internet-kommunikatsiy: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt // Sravnitel'naya politika. — 2016. — № 2 (23). — S. 73–84.
2. Zheltukhina M. R. Tropologicheskaya suggestivnost massmedialnogo diskursa: O probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI: monografiya. — M.: In-t yazykoznaniya RAN; Volgograd: Iz-vo VF MUPK, 2003. — 656 s.
3. Mazhorina M. V. ESG-printsipy v mezhdunarodnom biznese i «ustoychivye kontrakty» // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 12. — S. 185–198.
4. Rukovodstvo k Svodu znaniy po upravleniyu proektom (Rukovodstvo PMBOK). — Newtown Square: Institut upravleniya proektami, 2017. — 726 s.
5. Saburov M. A. Mediavolna v sovremennom mire: destruktivizm, institut mediabezopasnosti i Internet // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. — 2014. — № 3. — S. 54–73.
6. Semanticheskie issledovaniya v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize: metodicheskoe posobie / pod red. S. A. Smirnovoy. — M.: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2018.
7. Wilson E. O. Consilience: The Unity of Knowledge. — New York: Vintage, 1999. — 332 p.
8. Fadel Ch., Bialik M., Trilling B. Four-Dimensional Education: The Competencies Learners Need to Succeed. — 1st ed. — Boston: The Center for Curriculum Redesign, 2015. — 192 p.
9. Media Education. — Paris: UNESCO, 1984. — 406 p.